

Сказки братьев Гримм.

Искусный вор

Старик с женою сидели однажды перед бедным домиком: им хотелось немного отдохнуть от работы. Вдруг подъезжает к домику превосходная карета, запряженная четверкою отличных коней, и из той кареты выходит богато одетый господин.

Мужик поднялся, подошел к господину и спросил, чего он желает и чем ему можно услужить.

Незнакомец протянул мужику руку и сказал: «Я ничего не желаю кроме того, чтобы хоть один раз отведать вашей деревенской стряпни. Приготовьте же мне картофель в том виде, в каком вы его сами едите, и я тогда сяду вместе с вами за стол и с удовольствием поем вашего деревенского картофеля».

Мужик улыбнулся и сказал: «Вы, может, граф либо князь какой, а то еще и герцог? Знатным господам мало ли какие прихоти приходят в голову; а впрочем, я ваше желание исполню».

Жена его пошла в кухню и стала картофель мыть и тереть и хотела из него изготовить клецки, как это часто водится у мужиков, клецки из картофеля.

Между тем, как она была занята этим, мужик сказал незнакомцу: «Пойдемте-ка со мною в мой садик, у меня еще есть там кое-какие незаконченные дела».

А в саду у него были накопаны ямы, и он хотел в них сажать деревья. «Разве нет у вас деток, которые могли бы вам помочь в вашей работе?» – спросил приезжий. «Нет, – отвечал мужик. – То есть, был у меня сын, – добавил он, – да только уже много лет назад пропал без вести. Станный был малый: умный и сметливый, но учиться ничему не хотел, и шалости у него были дурные; наконец, он от меня сбежал, и с той поры я ничего о нем не слышал».

Старик взял деревце, сунул его в одну из ямок и рядом с ним воткнул кол. Потом подсыпал земли в ямку, утоптал ее и в трех местах подвязал деревце соломенным жгутом к колу.

«Скажите же, пожалуйста, – сказал приезжий, – отчего вы также

не подвяжете то кривое корявое деревце, которое вон там в углу почти склонилось до земли. Оно бы тоже росло прямее».

Старик усмехнулся и сказал: «Это вы, сударь, повашему рассуждаете; сейчас и видно, что садоводством вы не изволили заниматься. То дерево уже старо и искривлено, его уж никто не выпрямит, деревья можно выправлять, только пока они молоды». – «Значит, это то же, что с вашим сыном, – сказал приезжий. – Кабы вы его выправили, пока он был молод, он бы, может быть, и не бежал от вас; а теперь, пожалуй, тоже окреп и искривился?» – «Конечно, – отвечал старик, – ведь уж много времени прошло с тех пор, как он ушел; должно быть, изменился с тех пор». – «А узнали бы вы его, кабы он к вам теперь явился?» – «Едва ли узнал бы я его в лицо, – сказал мужик, – а есть у него родимое пятно на плече вроде боба».

Когда он это проговорил, приезжий снял с себя верхнее платье, обнажил плечо и показал мужику родимое пятно в виде боба на плече своем.

«Боже ты мой! – воскликнул старик. – Неужели ты точно мой сын? – И любовь к своему детищу шевельнулась в сердце его. – Но как же ты можешь быть моим сыном, – добавил старик, – когда ты такой большой барин и живешь в богатстве и изобилии? Каким же образом ты этого достиг?» – «Ах, батюшка, – возразил сын, – молодое деревце не было ни к какому колу привязано, оно кривым и выросло, а теперь уж и состарилось – его не выпрямишь. Вы спрашиваете, как я этого достиг? Я сделался вором. Не пугайтесь: из воров я мастер. Для меня не существует ни замок, ни задвижка; что я пожелаю иметь, то уже мое. И не подумайте, чтобы я крал, как обыденный вор; я беру только от избытка богачей. Бедные люди от меня не страдают: я скорее сам им дам от себя, нежели возьму у них. Точно так же я не трогаю того, что могу получить без труда, без хитрости и уменья». – «Ах, сынок, – сказал отец, – все же мне твое ремесло не нравится; вор – все же вор, и я могу тебя уверить, что это добром не кончится».

Повел он его и к матери, и когда та услышала, что это ее сын, она стала плакать от радости; а когда он признался ей, что он сделался вором-мастером, она стала плакать еще сильнее.

Наконец она сказала: «Хотя он вором стал, а все же он мне сын, и я рада, что мне еще раз удалось его увидеть».

Вот и сели они у дверей домика, и он еще раз поел с ними той грубой пищи, которую он давно уже не пробовал.

Отец сказал при этом: «Вот если бы наш господин граф, что в замке там живет, узнал, кто ты таков и чем занимаешься, так он не стал бы тебя на руках качать, как в тот день, когда он был твоим крестным у купели, а заставил бы тебя покачаться на веревочной петле». – «Не беспокойтесь батюшка, он мне ничего не сделает, я свое дело тонко знаю. Я вот и сегодня еще думаю сам к нему заглянуть, не откладывая в долгий ящик».

Когда за вечерело, мастер-вор сел в свою карету и поехал в замок. Граф принял его весьма вежливо, потому что счел его за человека знатного.

Когда же приезжий объяснил, кто он, граф побледнел и на некоторое время смолк.

Наконец он сказал: «Ты мне крестник, поэтому я сменю гнев на милость и обойдусь с тобою мягко. Так как ты хвалишься, что ты вор-мастер, то я испытаю твое искусство; если же ты испытания не выдержишь, то награжу тебя двумя столбами с перекладиной и придется тебе плясать на веревке под карканье воронов». – «Господин граф, – отвечал мастер-вор, – придумайте три испытания какой угодно трудности, и если я вашу задачу не разрешу, то тогда делайте со мною все, что вам угодно».

Граф на несколько минут задумался, потом сказал: «Ладно! Прежде всего ты должен увести моего парадного коня из конюшни; затем из-под меня и моей супруги ты должен во время нашего сна выкрасть простыни с постели, да так, чтобы мы не заметили, да при этом еще снять с пальца у моей жены ее обручальное кольцо; в-третьих, наконец, ты должен украсть священника и причетника из кирхи. И если хоть одно из этих испытаний не выдержишь – качаться тебе на виселице. Запомни хорошенько – ведь тут дело о твоей голове идет».

Мастер отправился в ближайший город; там он купил одежду у старой крестьянки и нарядился бабой.

Размалевал себе лицо, да еще и рябины подделал, так что никто бы не мог его узнать.

Затем наполнил бочонок старым венгерским вином, в которое еще подмешал очень сильного усыпительного зелья.

Бочонок взвалил он себе на спину поверх котомки и коекак, переваливаясь и ковыляя, направился к графскому замку.

Было уже темно, когда он туда добрал, он присел во дворе на камень, стал покашливать старческим кашлем и потирал руки, будто бы озябшие.

И на том же дворе перед входом в конюшню расположились около огня солдаты, которые стерегли заветного коня. Один из них заметил старуху и крикнул ей: «Подойди сюда, тетка, погрейся около нашего огня! Небось, и ночлега-то у тебя нет, и ночуешь-то ты где придется?»

Старуха заковыляла к ним, попросила отвязать у ней со спины котомку и подседа к их огню. «Что у тебя там в бочонке, старая карга?» – спросил один из солдат. «Вина глоток, – отвечала она, – я им торгую, тем и живу; вот и вам за денежки да за доброе слово охотно дам по стаканчику». – «А ну-ка! – сказал солдат и, отведав стаканчик, крикнул: – Раз вино оказалось хорошим, так я не прочь и другой стаканчик опрокинуть!» – и велел себе еще налить, и все товарищи последовали его примеру. «Эй вы, там, приятели! – крикнул кто-то из солдат тем, что в конюшне сидели. – Тут тетка винца принесла, такого, что, пожалуй, еще старше ее будет – испейте глоточек! Ей-ей, старухино лицо лучше нашего огня греет!»

Старуха не поленилась свой бочонок и в конюшню снести. А там один солдат сидел на оседланном графском коне верхом, другой держал коня под уздцы, а третий за хвост его ухватил.

Старуха стала подносить им, сколько было их душе угодно, пока весь бочонок не опорожнился.

Вскоре один из них выпустил узду из рук, прилег наземь и захрапел; другой хвост из рук выпустил и захрапел еще громче того. Тот, что на коне был, хотя и усидел в седле, но ткнулся головой в гриву коня, заснул и засопел, словно кузнечный мех. Те, что сидели во дворе вокруг огня, давно уже спали, растянувшись на земле, и не шевелились, словно окаменели.

Увидев это, мастер-вор дал одному вместо узды веревку в руки, другому вместо хвоста – пучок соломы; но что ему было делать с

тем, который на коне сидел верхом?

Сбросить его?

Так, пожалуй, еще проснется да крик подымет!

Он ухитрился вот как: распустил подпругу, подвязал к седлу пару веревок, прикрепив их к кольцам в стене конюшни, потом подтянул сонного солдата вместе с седлом вверх, а веревки закрепил к столбу.

Затем легонько отцепил коня от цепи, обмотал ему копыта старыми тряпками, чтобы звон подков о мостовую не разбудил кого-нибудь в замке, потом вывел осторожно коня из конюшни, вскочил на него и – был таков!

На рассвете мастер-вор прискакал на уведенном коне в замок.

А граф только что встал и стоял у окна. «Здравствуйте, господин граф, – крикнул мастер-вор, – вот тот конь, которого я благополучно увел из вашей конюшни. Да не угодно ли будет вам взглянуть, как славно ваши солдаты там лежат да спят, а если вам угодно будет заглянуть в конюшню, то вы увидите, как там удобно устроились и те, что сторожили вашего коня».

Графу пришлось смеяться, затем он сказал: «Ну что же? На этот раз удалось тебе, но в другой раз не так-то легко с рук сойдет. И я предупреждаю тебя, что если встречу с тобою, как с вором, то и поступлю с тобою, как с вором».

Когда в тот день вечером графиня легла в постель, она крепко стиснула ту руку, на которой у ней было надето ее обручальное кольцо, и граф сказал ей: «Все двери заперты на ключи и задвижки; а я сам не лягу спать, а буду поджидать вора; ну, а если он вздумает влезть в окно, то я застрелю его на месте».

Мастер же с наступлением темноты направился к виселице, снял из петли горемыку, который Там висел, и на спине потащил его в графский замок.

Там он подставил лестницу прямо к окошку графской опочивальни, посадил себе мертвеца на плечи и с этой ношей начал всходить по лестнице.

Когда он поднялся настолько высоко, что голова мертвеца появилась в окне опочивальни, граф, который лежал в постели и прислушивался, выстрелил из пистолета.

Мастер-вор сейчас же сбросил мертвеца с лестницы, спрыгнул и

сам и притаился за углом.

Тем временем месяц уже взошел, и он мог ясно видеть, как граф из окошка вылез на лестницу, спустился с нее и потащил мертвеца в сад. Там стал он рыть яму, в которую хотел его опустить.

«Теперь, – сказал вор, – самое настоящее время!»

Проворно выскочил он из своего угла, взобрался на лестницу – и прямо в опочивальню к графине. «Голубушка, – заговорил он голосом графа, – вора-то я убил, но ведь он все же мне крестник, и был-то он скорее плутом, нежели злодеем; а потому и не хочу я предать его на общий позор, да и бедных родителей его жалко. Вот я до рассвета и думаю сам похоронить его в саду, чтобы огласки не было. Дай, кстати, мне и простыню из-под себя, я заверну в нее покойника и зарю его, как собаку».

Графиня отдала ему простыню.

«А знаешь ли что? – сказал вдруг мнимый граф. – На меня порыв великодушия нашел: давай мне и кольцо свое! Этот несчастный из-за этого твоего кольца жизни не пожалел, так уж пусть возьмет его с собой и в могилу!»

Графиня не хотела перечить графу, и хоть очень неохотно, но все же сняла с пальца кольцо и отдала его вору. Тот улизнул с кольцом и простынею и благополучно прибыл домой, прежде чем граф покончил в саду свою могилыщицкую работу.

Какое лицо вытянул на другое утро граф, когда мастервор пришел к нему и подал ему свои трофеи!

«Да ты что же? Колдун, что ли? – спросил он у вора. – Кто тебя вырыл из могилы, в которую я сам тебя опустил? Кто оживил тебя?» – «Меня вы не изволили опускать в могилу, – сказал вор, – вы в ней похоронили висельника».

И он рассказал графу в подробности, как все было. И граф должен был отдать справедливость его чрезвычайной ловкости и хитрости. «Но ведь это еще не все! – добавил он. – Тебе еще предстоит разрешить третью задачу, и если это тебе не удастся, то остальное тебя не спасет!»

Мастер-вор только усмехнулся и ничего не ответил графу.

С наступлением ночи вор явился с длинным мешком за спиною, с большим узлом под мышкою и с фонарем в руке к кирхе.

В мешке у него были живые раки, в узле – коротенькие восковые свечки.

Он присел на кладбище, вытащил рака из мешка, а из узла восковую свечку, которую и прилепил ему на спину, потом зажег свечку, опустил рака на землю и пустил его ползать.

Затем то же самое сделал он и с другими раками и так распустил всех раков по кладбищу.

Потом он накинул на себя длинную черную одежду, нечто вроде монашеской рясы, и прилепил себе седую бороду к подбородку.

Сделавшись совершенно неузнаваемым, он взял мешок, в котором принес раков, вошел в кирху, в которой никого не было, и поднялся на кафедру.

Часы на башне пробили полночь; и едва только замер последний удар, вор стал с кафедры кричать громким и зычным голосом: «Услышьте все вы, люди грешные! Пришел конец свету, светопреставление близится; услышьте, услышьте! Кто желает с моей помощью попасть в рай небесный, тот полезай в мой мешок! Я там привратником служу, я отпираю и запираю врата рая. Вон взгляните, по Божьей ниве уже бродят умершие и собирают свои косточки. Придите, придите и полезайте в мой мешок, пришел конец миру!»

Крик этот разнесся по всей деревне.

Пастор и причетник, которые жили поблизости от кирхи, услышали его первые; а когда они при этом еще увидел свечи, которые всюду мелькали по кладбищу, то поняли, что совершается нечто необычное, и вошли в кирху.

Они с минуту прислушивались к той проповеди, которая раздавалась, с кафедры, и затем причетник подошел к пастору и сказал: «Недурно бы нам воспользоваться случаем и пробраться бы в рай прежде, чем наступит светопреставление!» – «Ну, конечно! – отвечал пастор. – Я и сам так же думаю, и если вы хотите, мы с вами сейчас и в путь!» – «Извольте, – отвечал причетник, – но вам, господин пастор, вперед идти, а я за вами следом».

Пастор и пошел вперед и взошел на кафедру, где мастер-вор и открыл ему мешок.

Пастор влез в него первый, а за ним причетник. Тогда наш

хитрец крепко завязал их в мешке, ухватил его за конец и поволок по лестнице с кафедры; и каждый раз, когда оба дурня стукались головами о ступени, вор кричал: «Теперь уж переходим через горы!»

Затем протащил их и через деревню, и перетаскивая через лужи, приговаривал: «Теперь несемся через влажные облака».

А когда стал их втаскивать вверх по лестнице замка, он воскликнул: «Теперь уж взбираемся на небесную лестницу и скоро вступим на первый двор рая».

Взобравшись на самый верх, он оставил мешок на голубятне, и когда голуби стали кругом летать, он сказал: «Слышите, как ангелы радуются и крылами машут?»

Затем он запер дверь и ушел.

На другое утро пришел он к графу и сказал ему, что и третью задачу он выполнил: пастора вместе с причетником унес из кирхи. «А куда же ты их девал?» – «Они оба, засаженные в мешок, теперь находятся у вас на голубятне и воображают себе, что они унесены на небо».

Граф поднялся наверх и убедился в том, что вор не обманул его. Когда пастор и причетник были из мешка выпущены, граф обратился к вору и сказал: «Ну, ты – из воров вор. И ты точно разрешил заданную тебе задачу. На этот раз ты выпутался из дела благополучно; но все же уходи из моего графства, потому что если ты опять за то же примешься, то можешь смело рассчитывать на виселицу».

Мастер-вор распрощался со своими родителями, опять ушел бродить по белу свету, и никто уже ничего более о нем не слышал.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...